

Закрытое небо.

Тревожно на сердце, когда небо затянуто серыми грязными облаками. Тревожно, но пережить можно.

Тревожно на сердце, когда идёшь задумываясь, а из-под забора вдруг залает собака. Тревожно, но пережить можно.

Тревожно на сердце, когда враги и донощики, злобно смотрят на тебя и что-то клеветают тебе в спину. Тревожно, но пережить можно.

Но, не переносимая мука, когда ты знаешь, что прав, а именно тот, на кого ты полагался, к кому шёл с доверием, вдруг ошарашивает тебя непониманием, равнодушием, и полной бессердечностью.

Двадцать лет я следую за Господом. Шестнадцать лет служу Ему верой и правдой. И все шестнадцать лет, ни разу не получил, ни поддержки, ни понимания, ни помощи со стороны пастора. И вот вообще наступило время, когда этот человек выступил могильщиком служения, которое, по его мнению, ему не угодно.

Начну по порядку.

Пришёл я в баптистскую церковь не искать Господа и Его спасения. А так, из любопытства. Друг, зная моё стремление познавать что-то новое, пригласил меня на служение, при чём вечернее, в баптистскую церковь.

И вот, пришёл я в тот клуб сахарно-рафинадного завода. По всему залу ряды пошарпанных столов. За ними верующие. И актовый зал показался каким-то тёмным невзрачным. Ни что не располагало к хорошему настроению.

Не помню, какие проповеди звучали в тот вечер. Не помню, какие псалмы пелись в тот вечер. Но, когда я выходил со служения, меня вдруг окружила такая лёгкость! Как будто в хорошей парной бане побывал! И эта лёгкость во всём теле, что казалось, раскинь руки и полетишь.

Так я стал посещать баптистскую церковь. Понадобилось полтора месяца, чтобы я понял, как и для чего необходимо покаяние. После этого, очень быстро, за три месяца, прочитал всю Библию от корки, до корки. И, как-то всё быстро и надёжно врезалось мне в память. На удивление работал мозг. Следом прочитал толстенную книгу «История христианства». И так, по ходу, разную духовную литературу.

В тоже время, «Гедеоновы братья» стали брать меня с собой на служения в больницы, где даже давали мне возможность свидетельствовать о том, как Господь вошёл в моё сердце.

Летом, пастор предложил мне принять водное крещение. Но я отказался. У меня были совершены ряд преступлений, за которые меня ждало наказание. В то время и бы и сам пошёл с повинной в милицию. Но некоторые обстоятельства сдерживали меня. Первое – мои подельники жили привольно и сидеть не хотели. Второе – меня на дело возили ночью после смены на заводе. В машине, как правило, от усталости я дремал. Потому не смог бы показать ни одного места преступления.

Осенью, один из подельников попал на другом деле, и, пытаясь заработать себе поменьше срок, всех нас сдал в руки правосудия.

Первый раз в жизни я счастливый ехал в тюрьму: «Вот, отбуду наказание, и всё, я свободен, я с Господом!»

Бог явил чудо, из пяти причитающих мне по статье, мне дали полтора года.

И вот я на свободе. Вернулся в церковь, в которой родился свыше.

Стал искать себе служение. Пастора собирали всех, кто желал бы служить сообразно с дарами, которые в себе ощущают. Предложил писать стихи для тех, кто читает с подиума. Отказали, аргументировав это тем, что и без меня хватает христианских стихов. Думали собрать молодёжную театральную группу. Предложил писать для них сценарии. Отказали всё с тем же аргументом. И чтобы не предлагал, сообразуясь со своими дарами, во всём получил отказ.

В то время стал учиться в школе «Эммаус». После принятия крещения, стал учиться в институте по серии 2:7.

Далее, по условиям института, вёл три группы.

В семье случилась беда. Жена стала инвалидом 1 группы. Не имея средств и работы, я три месяца, сиделкой, провёл с ней в больницах.

Так, учась в школе, в институте одновременно, вёл группы, помогал жене. Так мало того, получая по уходу 7 гривен и не имея право трудоустройства, нашёл подпольную работу на пилораме, станочником, работая только в ночь. За честный и добросовестный труд, меня держали и платили деньги. Правда небольшие. Но, без хлеба не были.

Далее судьба распорядилась очень своеобразно. Брат, который не плохо вёл служение школы «Эммаус», в селе собрал церковь, и оставил это служение.

Уходя, как бы на ходу, бросил одному из инструкторов: «Будешь вести служение». Я же, в то время, учился у того инструктора и был его помощником. Потом стал инструктором школы. Но, так и продолжал быть его помощником. Хорошо набирал учеников и для него, и для себя. Ибо, где бы ни был, везде рассказывал людям о любви Господа и о необходимости покаяния. Для усовершенствования знаний Господа, предлагал курсы школы.

И вот брат, мой инструктор, стал ответственным инструктором области. Но, как-то совершенно не осознал это.

Это было время, когда школа только-только начала свои служения в Украине. И было призвано на служение немало начинающих инструкторов. Конференции и семинары обучения, следовали один за другим. Брат же терпеть не мог такие служения. И, каждый раз, отправлял на них меня. Таким образом я познал всё искусство служения школы во всех его областях.

Приезжая, с радостью делился всем этим с братом.

На моё удивление, он мне отвечал: «Это нам не надо. Это мы делать не будем. Это мы передадим туда-то». И я понял, школа предречена.

В то время мы дружили с одной великолепной сестрой, матерью одиночкой с пятью детьми, инвалидом детства. Но, с такой завидной энергией и любовью к Господу! Она-то и посоветовала: «А давай, пусть тот брат рулит, а мы будет делать всё, что необходимо для школы». Мы и начали. Собрали команду. Я много ездил от школы в другие церкви города, района, области. Везде появлялись студенты, затем инструктора.

Но, как говорят, «шило в мешке не утаишь». Скоро пастора узнали, кто в самом деле рулит в школе. И разразился скандал. Сколько было обвинений за своеволие, сколько было недовольства мною. Но, в упрек мне не было, что поставить совершенно.

Возможно в то время я действительно не было готов к такому служению. Хватало и гордыни, и не всегда чуткое отношение к тем, кто служил рядом со мной. Со временем и это всё Господь решил.

Но, в то время пастора проявили явное недоверие моей персоне.

Раз пять приезжал координатор Украины в нашу церковь. Вёл разговоры с пасторами, встречался с епископом области.

В итоге согласились оставить меня в качестве ответственного инструктора. Но, без всяких благословений от церкви.

В 2002 году провёл первую областную конференцию школы «Эммаус». Приехали 90 человек со всей области. На конференции одним из главных вопросов было: выборы ответственного инструктора школы «Эммаус» Черкасской области.

Со мной подали заявки ещё четыре кандидата. Уже того брата, который якобы законно занимал этот пост, я лично внёс в списки кандидатов. Но, тот и на конференцию не явился.

Преимущественным числом голосов я был избран ответственным инструктором школы.

Позже, чтобы разгрузить офис в Киеве, мне координатор предложил ещё и тюремное служение. Так ещё я стал и инструктором тюремного служения в Украине.

Со временем, когда служение школы наладилось во многих областях, стал передавать тюремное служение на места, где находились исправительные учреждения.

В Черкасской области тюремное служение не ладилось. В первое время, пастора тюремных церквей проводили на свои служения в зоны. Тогда я набрал достаточно учеников. Многие из них, выйдя на свободу, остались служителями по всей Украине и до сего дня.

Но, миграция в зонах очень интенсивная. Люди освобождаются, переезжают в другие зоны, едут в больницы. Теряют наши курсы, адрес. Кто-то сам оставляет обучение. Где-то почта письма не доставила по причинам им только и известным.

Быстро растерял всех учеников.

А тут и служители перестали меня вводить на служение в зоны. Как-то, в один период, ужесточили посещение зон для духовных служителей.

Прошли годы. Теперь школа чахнет потихоньку. Всё меньше и меньше христиане, а тем паче не христиане, желают учиться и постигать Господа. Да ещё эта слабая связь с зонами.

В статусе церкви, которой я являюсь членом, нет пункта «тюремное служение».

Но, тем не менее, посетил департамент и узнал, что могу посещать зоны в Черкасской области, при условии, что соберу нужные документы.

Когда же с этим я пришёл к пастору, получил такой отпор, какого и не ожидал.

Причина: я ненадёжен. Но, в чём? Может без причины не посещал служения? Может приходил на служения в неприличном виде? Может не выполнял поручения пастора? Или выполнял их халатно? Ни одной из этих причин до меня доведено не было.

Прямой мой прокол и единственный был всего один раз. Церковь стала посещать девушка 14 лет. Стала студенткой школы «Эммаус». Готовилась к водному крещению. Вела эту студентку сестра, инструктор. И вот приходит ко мне и советует: «Курсы становятся всё сложнее, девочка не справляется. Может можно ей что-то полегче подобрать». Я задумался. В то время уже посоветовался с пастором, как бы молодёжи раздать один наш специфический курс «В тюрьме, но с Иисусом». В этом курсе излагается тема, полностью охватывающая проблемы, которые не только актуальны в тюрьме, но актуальны и молодёжи в начале их пути созревания. Здесь тебе и алкоголизм, и наркомания, и отношение между полами.

Решил для эксперимента: «Пусть пройдёт молодая сестра этот курс. Так-то он не сложный. В любом случае, он ей не повредит».

А девочка, оказывается, проходила курсы со своей неверующей мамой. Ох и скандал же разразился! Мама откуда-то собрала на меня весь компромат, выудила откуда-то всю мою подноготную. При чём совершенно не верную, кем-то придуманную.

Запретила дочке посещать церковь.

Конечно, с пастором состоялся для меня не приятный разговор. Запретил мне раздавать курсы в церкви. Запретил и находить студентов за пределами церкви.

Смиренно принял всё, что он велел. Думал, этим дело и закончилось.

Но, когда пришёл с просьбой о том, что мне нужны документы, для оформления на посещения зон в Черкасской области, явно понял, пастор решил похоронить школу.

Не себе, не славы своей я служил Господу до сего дня. Но, пастор решил лишить меня радости служения, тем самым закрыть для меня небеса.

Жизнь теряет смысл. Знаю, жив мой Искупитель! Не даст мне уйти без плода.

Но, до сих пор в растерянности, как оправиться ещё от одного удара.

Однако, наивным же я был!

В ответ на эту статью меня поставили на замечание на три месяца. Поставили условия, чтобы я покаяться и не входил в свой офис.

Я так и сделал. Покаяться перед всей церковью. Просил прощение у Господа, прежде всего за то, что, поступая не мудро, стал судьёй.

Это переработанная статья. В предыдущей я упомянул некоторых служителей, которые, под некоторым давлением пастора и его совета, оставили служение и церковь. Позже понял, что не моё это было дело. Они сами сделали свой выбор.

Попросил прощение у братьев и сестёр, кого ненароком обидел. Зная свой взрывной характер, я мог это сделать вовсе не по злему умыслу.

Попросил прощение и у пастора за то, что заставил его поволноваться.

В офис входил только с кем-нибудь из служителей школы.

Но, прошло три месяца, за тем ещё полгода, а мне никто ни слова.

И вот приходит Пасха Христова. Как заведено, перед Пасхой хлебопреломление – тайная вечеря.

Понимая, что с церковью я в мире, не имею ни одного брата или сестру, с кем был бы в конфликте, я встаю и беру хлеб, который мимо меня проносил дьякон. Так же и вино.

Но, только я взял бокал, подскочил один из дьяконов и попытался вырвать его из моих рук. Но, побоявшись, что в этой борьбе бокал может оказаться на полу, отступил.

Так я, всё равно, принял причастие.

После служение подошёл к тому дьякону, пытался узнать, не на три ли месяца меня поставили на замечание? А прошло сколько?

Тот, попросту убежал под крыло одного из пастырей церкви. А тот меня ошарашил нелепым замечание, которое вообще не относилось ни к замечанию, ни к каким бы то ни было претензиям ко мне.

Тем дело и закончилось. Я так и остался на замечании.

Служа Господу, я выпускаю свою газету «Небесные вести». В ней я опубликовал статью упомянул об одежде, целиком опираясь на Библию. И там я привёл в пример второго пастора церкви. Который ходит заносчиво с наклеенной улыбкой на лице. А сам выходит на кафедру, как будто собрался в спортзал. Спортивная маечка с коротким рукавом, трико с вытянутыми коленками, кеды.

Прежде чем напечатать ту статью, я полгода наблюдал за ним. Потом, подошёл к нему и сказал, что негоже вот так пренебрежительно одеваться и становиться на кафедру пред лицом Господа и на обозрение всей церкви. Он же мне ответил: «Разве у нас не толерантность в одежде?»

Толерантность? Возможно. Для прихожан, которые приближаются к Господу и ещё не осознают толком, что они уже представляют для Господа. Но, только не для пастора.

После этого замечания я не увидел никаких перемен. Но, только после статьи, которую и ему дали прочитать, он стал более-менее прилично одеваться.

Следствие этой статьи – я отлучён от церкви.

И отлучён как-то интересно! Меня не вызывали на братский совет. Мне не предъявили за что меня отлучают.

Зато, когда я пришёл на молитвенное собрание и там попросил молиться о нужде школы. У школы нужд много, но я просил лишь о том, чтобы Господь помог получить груз из Киева, (учебные пособия для школы), тут же, после собрания, подошёл пастор и сказал: «Миша, ты отлучён от церкви. Молись, кайся».

Молится я не забываю. А вот в чём каяться? Не объяснил.

Однако, когда на следующее собрания я спросил у регента, брата, благодаря которому я и оказался в этой церкви, за что же меня всё-таки отлучили, тот без смущения ответил: «Ты одержимый силами злобы поднебесной».

С моих слов немало людей узнали Господа, полюбили Его, стали христианами. Так чьими силами я это делал? Не думают ли братья о том, что хулят Духа Святого?

Публикуя эту статью, я обещаю, что церковь, в которой я родился свыше, церковь в которой находятся мои возлюбленные братья и сёстры, не покину. Многие из них очень повлияли на моё духовное становление. Многим из них я благодарен.

Заведомо зная, что, даже при лучшем раскладе, мне в этой церкви служить не дадут. Но, буду продолжать начатое.

Господь дал дар писать, буду писать: сказки, рассказы, повести. Продолжу выпуск газеты «Небесные вести».

Не оставлю тюремное служение. Пусть всего в служении вспоможения. Но, может и этого достаточно?

Средства? Будут средства. Разве меня отлучили от Господа? Разве меня отлучили от Вселенской Церкви Господа Иисуса Христа? Разве отлучили от любви Божьей?

Даже Сам Бог от любви Своей отлучить не может. Ибо, Сам Бог – есть любовь!

А люди, рождённые по образу и подобию Адама, всегда будут существовать. И всегда будут гнать тех, кто посягает служить не им, не их прихотям, не стремиться смотреть им в рот и ловить каждое сказанное ими слово, а честно и всецело отдавать себя на служение Богу.

Хотелось бы надеяться, что это последняя статья. Но, кажется, что времени на её положительный результат у меня всё меньше и меньше. Потому, если ещё что-то произойдёт, то в этой рубрике «Закрытое небо», я обязательно напишу.